Что нѣкогда съ ланитъ и съ устъ мечта,
Какъ дымъ, слетитъ, завянетъ красота,
Забьется сердце медленнѣй—свинецъ
Тоски на немъ—и что всему конецъ!..
Однако-жъ я желалъ бы увидать
Твой хладный трупъ, чтобы себѣ сказать:
«Чего еще! Желанья отняты,
Бѣднякъ, теперь совсѣмъ оставленъ ты!»

Челнокъ.

Воетъ вѣтръ и свиститъ предъ недальней
По морю на темный востокъ, [грозой;
Озаряемый молньей, кидаемъ волной,
Несется невѣрный челнокъ.
Два гребца въ немъ сидятъ съ безпокойнымъ
челомъ,
И что то у ногъ ихъ подъ бѣлымъ
холстомъ.
И вихорь сильнѣй по волнамъ пробѣжалъ
И сорванъ летучій покровъ.
Подъ нимъ человѣкъ неподвижно лежалъ,—
И блѣдный, какъ жертва гробовъ:
Взоръ мраченъ и дикъ, какъ сраженія дымъ,
Какъ тучи на небѣ, иль волны подъ
нимъ.
Въ чалмѣ онъ богатой, съ обритой главой,
И цѣпь на рукахъ и ногахъ,
И рана близъ сердца, и токъ кровяной
Не держитъ опасности страхъ;
Онъ смерть равнодушнѣе спутниковъ ждетъ,
Хотя его прежде она уведетъ.
Такъ съ смертію вѣчно: чѣмъ ближе она,
Тѣмъ менѣе жалко намъ свѣтъ.
Двѣ могилы не такъ намъ страшны, какъ одна,
Потому что надежды здѣсь нѣтъ.
И еслибъ не ждалъ я счастливаго дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!

Отрывокъ.

На жизнь надѣяться страшась,
Живу, какъ камень межъ камней,
Излить страданія скупясь:
Пускай сгніютъ въ груди моей.
Разсказъ моихъ сердечныхъ мукъ
Не возмутитъ ушей людскихъ,
Ужель при сшибкѣ камней звукъ
Проникнетъ въ середину ихъ?
Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мнѣ,
Но велѣно ему судьбой,
Какъ жилъ, погибнуть въ тишинѣ.
Я твердо ждалъ его плодовъ,
Съ собой бесѣдовать любя;
Утихнетъ звукъ сердечныхъ словъ:
Одинъ, одинъ останусь я.
Для тайныхъ думъ я пренебрегъ
И путь любви и славы путь,
Все, чѣмъ хоть мало въ свѣтѣ могъ
Иль отличиться, иль блеснуть.
Бѣднѣйшій средь существъ земныхъ,
Останусь я въ кругу людей,
На вѣкъ лишась достоинствъ ихъ
И добродѣтели своей.
Двѣ жизни въ насъ до гроба есть,
Есть грозный духъ: онъ чуждъ уму:
Любовь, надежда, скорбь и месть,
Все, все подвержено ему.
Онъ основалъ жилище тамъ,
Гдѣ можемъ память сохранять,
И предвѣщаетъ гибель намъ,
Когда ужъ поздно избѣгать.
Терзать и мучить любитъ онъ;
Въ его рѣчахъ нерѣдко ложь...
Онъ точитъ жизнь, какъ скорпіонъ.
Ему повѣрилъ я—и чтожъ?
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь въ очи, въ блѣдный цвѣтъ;
Лицо мое вамъ не могло
Сказать, что мнѣ пятнадцать лѣтъ.
И скоро старость приведетъ
Меня къ могилѣ—я взгляну
На жизнь—на весь ничтожный плодъ,
И о прошедшемъ вспомяну.
Придетъ сей вѣрный другъ могилъ
Съ своей холодной красотой:
Объ чемъ страдалъ, что я любилъ,
Тогда лишь будетъ мнѣ мечтой.
Ужель единый гробъ для всѣхъ
Уничтоженіемъ грозитъ?
Какъ знать: тогда, быть можетъ, смѣхъ
Полмертваго воспламенитъ!
Придетъ веселость—звукъ чужой
Понынѣ въ словарѣ моемъ:
И я объ юности златой
Не погорюю предъ концомъ.
Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ.
Мы сгибнемъ—нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ;
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.
Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ, станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!..
Къ нимъ станутъ [какъ всегда могли]
Слетаться ангелы. А мы
Увидимъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной.